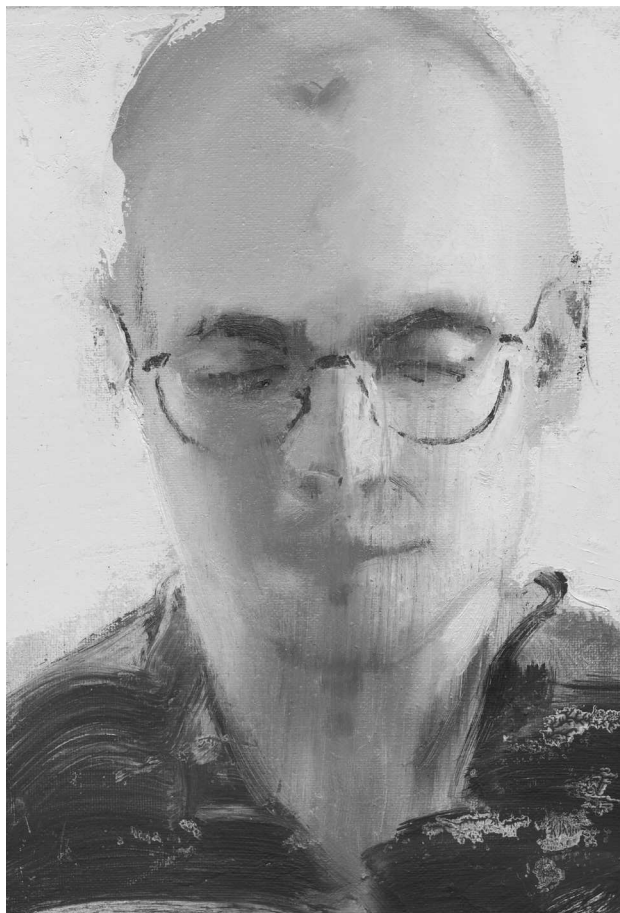

МАКСИМ ДАВЫДИК

метаморфозы пустоты

МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ АВТОРА

Что есть мир вокруг нас? В физической реальности всё есть лишь хаотично разбросанные частицы, следующие определённым законам. Всё есть Пустота. Пока наш ум не направит свой фокус, подобно проектору, создающему картинку на пустой стене. И изначально лишённые положительного или отрицательного заряда и субъект-объектной связи окружающие нас вещи и явления начинают разрастаться, заполняя пространство нашего «Я» подобно бесконечно расширяющейся Вселенной. Персональная реальность есть лишь совокупность впечатков ума в бульоне из Пустоты.

Наш ум эмоционирует. И Пустота плещется подобно океану. Ум омрачён. И Пустота резонирует иллюзией омрачения. Нам больно. И Пустота становится невыносимой. Мы счастливы. И Пустота есть солнце, согревающее кашемировыми лучами все мириады миров. Мы любим. И Пустота есть любовь.

Всё есть метаморфозы Пустоты. Изначально нейтральная бесконечность, умноженная на субъективность нашего ума и проекции наших иллюзий. Как ленты очень разного кино, они есть целая Вселенная в себе, рождающаяся и умирающая вместе с нами.

Этот сборник поэзии является попыткой взять чистый холст и повзаимодействовать с пустотой, запечатлев её метаморфозы в движущемся сознании индивида. Изобразить скоротечную красоту то разрастающейся, то сжимающейся Вселенной отдельно взятого человека как нечто такого, что внутри себя есть субъект и объект, вопрос и ответ, поиск и смысл.

Ночные портреты пустоты

1.
Каркает ворон. Ночь.
Я открываю окно.
Тень от луны точь
выжженное пятно,
как от бычка, когда,
выкурив, потушил
о рукав пиджака.
В небе, как профнастил,
кудри разбитых туч,
ветер сюда, видать,
из-под грозы под луч
выгнал их умирать.
Жизнь выгоняет нас
таким же толчком секунд,
куда-то всё время мчась,
так и умрём на бегу.

2.
Небо есть пустота,
в которой течёт эфир,
как белизна холста,
выглядит, как пустырь,
пока кисть не даст мазка,
звёзды торчат на нём,
как лампочки с потолка,
что-то пустой объём
должно заполнять всегда.
Ум наш такой же чан,
ждёт, чем заполнят, как
просящий руки карман,
кажется, что пустяк,
но каждая мысль в нём,
как семя, что в пустоте
вырастет и сожрёт
объём на его холсте.

3.

Всё состоит из слов,
пока не попал в слова,
объект — это пустота,
слова образуют шов,
как вырванная трава,
что больше не прорастёт.
Немного бы помолчать,
увидеть, как стынет гладь.
Ночью растёт широта
того же пространства, как
будто убрав цвета,
словно из тела — костяк,
в миг рассыпается всё.
Луч вырезает щель,
и будто бы колесо
крутится там, где лоб,
рисуя, как лазер, цель.

4.

Шёпот густой листвы,
как на базаре, их
голос, как соловьи,
трогательный, как стих,
ветер лопает в них,
словно во рту язык,
чувств пузыри в слова,
переходя на крик.
Крутится голова,
считывая, как свет
азбукой Морзе в два
типа сигнала вслед
падающей звезде
шлёт из других планет
трепетное «- при — вет -».

5.

Мы есть как в пустоте
дальности той сигнал,
что времени, как числа,
позволит величина,
мысль, как кость в хребте,
важнее, чем болтовня,
всё, что сейчас я есть —
мысль в моменте. Я
думаю о тебе
и становлюсь тобой,
словно волна, войдя
в плоскость с другой волной.

6.

Ночь, как дыра в стене,
втягивает в пустоту,
как карася к блесне,
так, что не вмоготу
сопротивляться ей.
Лампа, как оберег,
рассеивает крестом
яркий пучок лучей,
тая, как первый снег,
перешагнув окно.
Горшок с гиацинтом. Тень
падает в пыльный пол,
грубая, как шагренёв,
недвижимая, как ствол.
Как хорошо расти,
когда ничему тебя
не сбить с твоего пути,
и путь — это высота.

7.

Бессонница. Тесность стен.

Вибрирует пустота

между глазами и тем,

в чём прячется темнота,

неким небытием,

как форме свободы «от»

всякого взгляда «на».

Как муха, в открытый рот

проваливается луна.

Дневная увертюра бренности

1.

Кровь вылитого луча. Умыта ею стена,
как смыслом пустой этюд. День неотделим от сна,
выглядит как ещё один оборот колёс,
кофе, стихи, Satie, просматриваемый невроз
в разглядывании себя. Честность русских берёз,
поделенных как бы на два полюса, инь и ян,
исключают притворство. Слеза. Я пугающе хмур
и сижу в увертюре себя. Меланхолия. Дурь
в голове как способность торчать у восточных славян
без шприца и укола... Бренность — это подарок, как код,
что лишает серьёзности жизнь. Я стекаю, как в трубопровод,
разбавляя чужие дни, в общей массе сливаясь в ком
истории, как река, что-то шепчущая о пустом.

2.

Сизый цвет, небо рвётся из глаз.
Запах поля. Сиреневый снег.
Мир есть просто сложение масс,
что друг в друга бегут, как побег,
чья природа — бежать даже сквозь
камень или чужую кость.
Я сижу у стены, бегу
взглядом в дальнюю точку. День,
как одетая набекрень
шапка, давит в мозгу
повторяемостью процедур,
предсказуемостью текстур,
как железная клетка. Лето.
Время вытащить всех скелетов
из уставшего шкафа. Сколько
тел вращается с нами в танце?
Как из целого вырвать дольки

и раздуть их по ветру в квантах,
а ещё — в человеках. Бренность
нам дана как не бич, но ценность.
Этот день вызывает много
разных мыслей, тревог. Но жизнь в нём,
как кусочек живого бога,
светит в сердце луча фонарём.

Хандра осенних метаморфоз

Дунь по ветру за спину себе, пошатнувшись, упав
на полотна небес, — это так называемый способ
раствориться, уйти, будто что-то, устав,
отделилось от формы и в россыпь

пустоты убежало, как слабый побег,
возвратившийся в землю. Сколько
надо дней отдышаться, чтобы, как майский снег,
просто взять и растаять без боли?

Лишь моргнул сонный глаз в этих буднях, как плеск
от харкнувшего космоса солнцем,
попадая в церквей позолоченный крест,
прожигает огнём мою кожу,

ненавижу всё это, откуда моя тошнота?
И откуда берётся в дневном одиночестве шёпот?
Это каплет слеза или звуки дождя?
День такой же, как все, я, как робот,

что-то делаю вслед уходящим часам,
что-то губительно брэнное, осень
растворяет цвета, листья вянут, как хлам,
по резьбе своей метаморфозы.

Превращения. В любви

Шум солнца в плене вечности себя,
что в зеркале, отображает круг скитаний —
ещё раз искупать холсты бумаг
сугробом метафизики... Хребтами

седых стволов просел февраль, ежом
расправив геометрию пространства —
сквозь корни льда прорвавшийся узор
растрёпанного платья Гималаев...

Глотая стены облаков, снегá,
что мотылёк, истерзанный идеей
приклеить себя к солнцу, за рога
вбивают небо в землю, как фанеру!

В который раз смотрю в себя — сюжет
врастающего лотоса в затылок...
выталкивает стеблями скелет!
И мысли — как резиновые — стыннут

архитектурой белого листа!

Я лишь боюсь того, что потеряю
в своём существовании тебя...

Письмо маленькому себе

Здравствуй, милый мой, маленький мальчик.
Я пишу тебе с лодки, которая тонет.
Океан кулаком, как кувалдой из стали,
разбивает о скалы мой крошечный домик.

Я тот самый герой, быть которым мечтаешь.
Капитан, что не будет бежать от смерти,
а придёт к ней с улыбкою, как подобает
настоящему воину с кодексом чести.

Все матросы сбежали. Сострадай им и только,
ведь однажды посеяв сорняк на поле,
потеряешь контроль над составом почвы.
Их цена высока, а тюрьма сурова.

Всё равно умираем по одиночке.
Оставайся чист, даже если в поле
ты один единственный не сражённый воин,
а другие крутят за спиной заточкой,

бьют с улыбкой в спину и кричат «дурак».
Как бы путь ни жалил, будь себя достоин,
потому что лучше получить синяк,
чем глотать душок, сидя на помойке.

Знаешь, справедливость, в ту, что веришь, — это
та хромая лошадь, что бежит последней,
твоя вера, мальчик, в целом безответна —
люди в этом мире верят лишь в победы.

Глупых взрослых много! Они верят в деньги,
и за деньги, мальчик, хоть на четвереньках
будут нежить кошкой, только понарошку,
пока есть икра да большая ложка.

Только что за деньги покупать нам, мальчик?
Те же вещи, только лучше и дороже?
Я тону на лодке, но я счастлив больше,
чем все рыбы в этом чёрном океане.

Небо как портал в чистоту пространства.
Солнце догорает, прячась за калиткой.
Там из океана рыбам ведь не видно?
А закат, мой мальчик, не бывает платным.

Этюды из памяти

1.

Резинка обнуляет карандаш,
а время — лица. Их стереть
понадобится прожитая жизнь,
которая останется тускнеть
в тенях на фотографиях, томить
колючими пустотами пропаж,
но это, как прочитанный роман,
прочитанные главы не забыть,
но ты уже давно не их герой.

Как склеенные тучами в туман,
без точных очертаний те предметы,
что выглядят без солнца не собой,
я выгляжу одним из тех скелетов,
который выполз из комода, и,
как будто привидения шаги,
скитаюсь по Лубянке, как чужой,
ищу свой след в обломках лет и
тот спёртый запах из музейного кафе,
тот кашель стула, что звенел в спине,
и меланхолию просторных кабинетов,
где с выражением Ареса на портретах
детей пугали старые вожди.

2.
Холодные чугунные дожди.
Симметрия просторных площадей.
Хлористый аромат от чистоты.
И выбритые звёзды обелисков,
торчащие истории огрызки.
Помада-борщ. Липучки-бигуди
и платья, что царапают асфальт,
смотрящие с тревогой из-под лба
немые незнакомцы, пустота,
разлитая в движениях кассира,
пенсионеры с хлебом и кефиром,
значок, отображающий стандарт,
прохожий, затянувший беломор,
лежащий человек лицом в траву,
как будто в океане на плоту,
растянутый иконой триколор,
с оттянутым карманом ревизор,
сирени с шелковистой шевелюрой,
замотанное небо в провода,
растрёпанные рощи и этюды,
как кудри телефонного шнура,
стояние по пробкам на верблюдах,
укусы, как порезы от ножа,
от редкого, но жгучего луча,
я ощущаю, как иду я,
и в памяти сгорают, как свеча,
те образы, что больше недоступны.